

Александр Мазин

ЧЕРНЫЙ СТРЕЛОК

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М13

Серия «Мастера криминальной прозы»

Оформление обложки: *Юлия Межова*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Мазин, Александр Владимирович

М13 Черный стрелок / Александр Мазин.— Москва: АСТ, 2015.— 378, [1] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-088773-6

Алексей Шелехов — наследник изрядного состояния, учится в Англии, пока его опекун управляет промышленной империей погибшего в автокатастрофе отца Алексея. Через полгода Алексею исполняется восемнадцать и он станет полноправным хозяином наследства...

Нет, не станет. Оно уже ему не принадлежит. Вдобавок Алексей случайно становится свидетелем еще одной криминальной операции своего опекуна, жертвой которой стала юная девушка, тоже наследница значительного состояния... В течение одного дня молодой аристократ-наследник превращается в дичь, которую травит один из самых могущественных «князей» Ширгородской области. Но у Алексея есть могучее оружие — информация. И еще — друзья, свои собственные, и — погибшего отца. Травли не будет, будет война...

Подписано в печать 20.11.14.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 2000. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Мазин, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава первая

Город Никитск был основан три века назад. Вернее, три века назад получил официальный статус, а до той поры являлся прибежищем народа самостоятельного и незаконопослушного, в тогдашней терминологии собирательно именуемого «ворами». В то время термин «воровать» еще не определился, как «брать чужое» (последнее тогда называли хищением, как в нынешнем УК), а означал некое противоправное действие, направленное против законов, традиций и власть предержавших. И определение «вор» приносило обладателю «титула» одни неприятности. Ныне же Николай Григорьевич Хлебалов, у которого уже имелся один неофициальный титул — никитский «князек», шесть лет назад выложил за право называться еще и «вором» ну очень толстую пачку заморских денег. Что поделать, коронация субъекта, ни разу не «ходившего к хозяину», стоит недешево, даже если по действующим законам этот субъект уже заработал суммарный срок лет в триста. Заработать-то заработал, да кто ему даст? Во всяком случае не правосудие г. Никитска, снизу доверху проплаченное

Николаем Григорьевичем. И не для Никитска, разумеется, короновался Хлебалов и не для придания веса в общероссийских масштабах. Накатила блажь — и короновался. А кому не нравится — пусть сунет ствол в ухо и застрелится!

Дубовые двери в кабинет Хлебалова, размерами напоминающий теннисный корт, деликатно отворились. Внутрь заглянул невзрачный человек средних лет. Секретарь. Доверенный секретарь.

— Николай Григорьевич, Юматов. Будете говорить?

— Давай!

Человечек вручил хозяину трубку и испарился.

Секретарей Хлебалов уже давно выбирал не по экстерьеру, а по квалификации. По экстерьеру он выбирал лошадей, а секретарь должен деньги отрабатывать. А если захочется Хлебалову перед обедом палку кинуть, секретарь трубку снимет — и вся балетная школа города Никитска у Хлебалова на ковре «ромашкой» ляжет.

— Чего тебе? — буркнул Хлебалов.

— Проблемки, Николай Григорьевич, — сообщила трубка. — Чижик из Кургана звонил. Там у них с местными отморозками какие-то «терки». Может, скажете Яблоку, пускай подъедет? У него ж там каждый второй — сват-брат.

— На пенсии Яблоко, — недовольно произнес Хлебалов. — А то ты не знаешь.

— Ну если вы попросите... — заканючил Юматов. — Вам-то он не откажет, Николай Григорьевич!

— Хрен с тобой. Попрошу.

«Эти курганские — как чирь на заднице! — подумал Хлебалов. — Вечно права качают!»

Но, с другой стороны, бойцы из курганских от-
менные. Тот же Яблоко, пока здоров был,— цены ему
не было.

Хлебалов нажал кнопочку:

— Фома,— сказал он секретарю.— Где у нас нынче
Застенов?

— В аэропорт поехал, Николай Григорьевич. Се-
годня же Алеша прилетает. Он встречать поехал.

— Да, я забыл,— Хлебалов подумал немного.—
Позвони ему на трубу, скажи: пусть по дороге в Празд-
ничное заедет, найдет Яблоко и привезет сюда. Он
мне нужен.

Хлебалов отпустил кнопку, откинулся на спинку
кресла. Значит, Алешка сегодня прилетает. Еще одна
проблема. Через полгода парню стукнет восемна-
дцать, и опекунству Хлебалова официально придет
конец. Сын Игоря Шелехова вступит в права насле-
дования. И после окончания юридических процедур
Краснянский нефтеперегонный, Курганский метал-
лический и еще с десятков предприятий помельче
выйдут из-под контроля Хлебалова. То есть выйти-то
они не выйдут, но шум может возникнуть нехоро-
ший. Такой нехороший, что «семейный фонд» по-
койного Игоря Алексеича Шелехова, Алешкиного
папаши, может запросто сделать Николаю Григорь-
евичу ручкой. Не говоря уже о том, что многие серь-
езные дяди из областного центра, славного града
Ширгорода, очень серьезно не любят никитского
«князька» и могут даже раскопать дела, давно минув-
шие: ту самую автокатастрофу, в которой погибли
Шелехов с женой. Тогда многие пальцами на Хлеба-
лова показывали. Подозревали... Ну из подозрений
банк не построишь, а вот из черных прибылей Кур-

ганского металлического — запросто. И время нынче какое нехорошее. Москва мало того, что все деньги норовит в себя втянуть, так еще норовит потом этими же деньгами все на корню скупить... Или приватизировать. Вон Курганский металлический уже дважды пытались... Еле отбилсЯ: свои из Минобороны заступились, Медведев помог. Не бесплатно, конечно.

Нет, шум сейчас совсем даже не нужен. Придется время тянуть. Отправить пацана в Англию еще года на три. И девку эту — вместе с ним. А через три года...

Хлебалов оборвал мысль. Он никогда не строил планов, под которые не мог подвести строгое обоснование.

Восьмидесяти километрах от Никитска лоснящийся черный «мерседес» с никитскими номерами сбросил скорость со ста сорока до сорока и с визгом развернулся.

Один из двоих людей, постарше, комфортабельно устроившихся на заднем сиденье, только что спрятавший в гнездо телефон и приказавший водителю развернуться, сказал своему спутнику:

— Леха, это Григорьич звонил, просил к Коле Яблоку заехать. Заедем?

— Конечно, Веня! С удовольствием! — ответил младший.

Алексею Шелехову полгода назад исполнилось семнадцать, но выглядел он значительно старше и ростом почти сравнялся с человеком за рулем «мерседеса», Вениамином Застеновым, а в Вене — почти метр девяносто. Правда, в плечах Застенов, именуемый друзьями и недругами Стеной, пошире своего

спутника. Но и Алешку Шелехова хилым никто не назовет. Сын статью в отца пошел, а Игорь Шелехов в молодости три года подряд был чемпионом края по дзюдо. В тяжелом весе.

— Я дядю Колю всегда рад видеть,— лучезарно улыбнулся Алеша.

И Стена, глядя на него, тоже расплылся в улыбке. Подумал:

«Такой славный парень вырос, просто душа радуется. Нет, правильно его Григорьич подальше от нашего говна держит!»

— Миша,— сказал он шоферу,— давай от развилки направо. В Праздничное.

Шофер молча кивнул. Он уже понял. Говорил Миша мало, зато стрелял метко. Потому и возил уже третий год Веню Застенова, на которого многие зуб точили. И пусть точат! Отточенные зубы Веня вышибал с особенным удовольствием.

Дорога от трассы до Праздничного была отменная. Двадцать километров пролетели меньше чем за десять минут. Подъезжая к воротам, Миша даже и не подумал остановиться, только сбросил скорость со ста сорока до шестидесяти. Ворота уже были открыты, и охранник рядом застыл навытяжку. Этому наверняка позвонили с поста ГАИ, сообщили: «Стена едет».

Домá в Праздничном стоили от тридцати до трехсот тысяч долларов, но одних долларов для того, чтобы стать хозяином здешнего особняка, было недостаточно. Это был поселок для *своих*.

Дом Яблока не был самым большим в поселке. Но и не самым маленьким. И отписал его Николаю лично Хлебалов. Пришел к Коле в больницу и положил

на одеяло документы. При всех своих, мягко говоря, недостатках, имел Николай Григорьевич неоспоримое достоинство в глазах его людей: *своих* никогда не забывал.

Увидев в окошко подъехавший «мерседес», Николай Яблоко обрадовался. Когда-то один из лучших бойцов Никитска, начальник личной охраны Хлебалова, два года назад он, как и подобает охраннику, прикрыл собой хозяина и получил в грудь четыре автоматные пули. На нем был бронежилет, поэтому Николай выжил. Но работать больше не мог. Он и двигался с трудом.

Ворота открыла автоматика. Мерс аккуратно въехал на выложенную плитами дорожку и остановился. Две овчарки, желтая среднеазиатская и черный «немец», подбежали к машине. Они не лаяли, не прыгали на дверцы с яростным лаем, не царапали когтями стекла. Их обучали иначе. Дождаться, пока незваные гости выйдут из машины, улучшить момент и вцепиться в глотку или в пах. Если, конечно, хозяин не даст отмашку.

— Ворон, Туркмен, свои! — крикнул появившийся на крыльце Яблоко, и псы, тут же утратив профессиональный интерес к гостям, потрусили прочь, точнее, вернулись к патрулированию территории. Если бы хозяин scomандовал не «свои», а «фу!», это означало бы, что его доверие к пришельцам ограничено и в любой момент может прозвучать команда «чужой!», а следовательно, псы должны держаться поближе к гостям, чтобы, к удовольствию хозяина, тут же запустить в них клыки.

Стена вылез из машины, шагнул вперед и заключил Николая в могучие объятия. Бережно, впрочем.

Времена, когда они с Яблоком соревновались, кто сильнее, закончились.

С Мишей хозяин обниматься не стал, ограничился рукопожатием, а вот Алексея сграбастал сам.

— Здорово, Леха!

— Здравствуйте, дядя Коля! Здорово, что вы уже ходите!

В последний раз они виделись, когда Яблоко возили в инвалидном кресле. Одна из четырех пуль, пробив броник, повредила позвоночник, и врачи были почти уверены, что Николай никогда уже не встанет на ноги. Но он встал.

— Гляди, как ты вырос! — воскликнул Яблоко. — Венька, ты глянь! Он же с тебя ростом!

Овчарки вернулись, остановились шагах в десяти, вопросительно глядя на хозяина.

— Можно, — разрешил тот, и кобели бросились к Алексею. Ворон тут же взгромоздил лапы ему на плечи и облизывал все лицо, более сдержанный Туркмен просто потерся головой о бедро юноши. Они были давние друзья, со щенячьих времен, когда Лешка, помогая Николаю, гонял их, полугодков, вбивая в их еще бестолковые головы начальные команды.

— Хорош! — гаркнул Николай, и псы оставили Алешку в покое.

Шелехов улыбнулся своему другу и наставнику. Конечно, от прежнего богатыря осталась только тень, худая и сгорбленная, на высушенном болью и болезнью лице зеленые глаза неукротимого бойца, но — тоже незнакомые, блестящие, с расширенными зрачками...

Если бы Алексея попросили назвать своих лучших друзей, он назвал бы не своих одноклассников из

привилегированного интерната и не нынешних сокурсников из Англии, и даже не корешей из хакерской тусовки, а дядю Колю Яблоко и дядю Веню Застенова. И еще, пожалуй, Ефима Аслановича Юматова.

Алексею, в девять лет потерявшему в одночасье отца и мать, эти трое заменили родителей. Именно они, а не преподаватели в интернате и в колледже, научили Шелехова тому, каким должен быть мужчина. Юматов — думать, Застенов с Яблоком — драться, стрелять, водить машину и вообще все, что можно водить, включая самолет. Они научили его терпеть боль и выслеживать зверя. И валить его с одного выстрела. Но убивать людей они его не учили, хотя Яблоко и говорил ему не раз, что человека выследить и убить даже проще, чем медведя-подранка. Только вот медведи, которых рискованый Яблоко убивал голым железом, а не пулей, обошлись ему в пару-тройку шрамов, а люди достали охотника по-настоящему.

— Может, в дом пригласишь? — спросил Застенов.

Он видел, что стоять Николаю трудно.

— Лучше на речку, — сказал хозяин. — Лешка, дай я на тебя обопрусь! Поглядим, крепкий ли ты, или только с виду?

Яблоко стеснялся своей слабости.

На пляже за домом, под навесом-зонтом прямо на песке стояли кресла. Одно, удобное, — для хозяина, остальные — попроще. Зеленая разлившаяся в ширину Юрь текла почти у ног, гладкая, ровная, искрящаяся на солнце. С противоположной стороны берег был выше, уступчатее. Над обрывом зеленел лес.

— Как Англия? — спросил Яблоко. — Нравится?

Алексей пожал плечами:

— Нормально, дядя Коля. Жить можно.

— Собираешься там остаться?

— Да нет,— парень смутился.— Это я так.

— А ты подумай,— произнес Яблоко.— Скоро тебе восемнадцать стукнет, пора выбор делать.

Тут Яблоко поймал предостерегающий взгляд Застенова и осекся.

— Вы ко мне как, в гости или по делу? — спросил он, чтобы сменить тему.

— И то, и то,— ответил Стена.— Тебя хозяин зовет.

— А в чем дело?

— Понятия не имею, Коля. Хочешь — позвони,— он достал телефон.

— Успеется. Лешка, глянь на тот берег. Что видишь?

— Птицы беспокоятся,— тут же ответил юноша.— Может, зверь их спугнул.

— Или человек,— уточнил Яблоко.

Веня Застенов цепким взглядом прошелся по противоположному берегу.

— Надо бы там людей поставить,— сказал он.— Хата твоя простреливается оттуда, как в тире.

— Да,— согласился Николай.— Хороший стрелок достанет. Только кому я, Веня, нужен, калека недобитый?

— Ну не скажи,— Застенов покачал головой.— Вспомни, сколько за тобой...

— Проехали,— перебил Яблоко, покосился на Алексея. Тот сделал вид, что ничего не слышал. Конечно, он догадывался о многом, но предпочитал не замечать. Да, его друзья работают на Хлебалова, а

Хлебалов правит Никитском строго и жестко. Зато и порядка в городе больше, чем, скажем, в областном центре. Но ведь дядя Коля не только Никитском, но и имуществом самого Алексея тоже управляет. По завещанию Шелехова-старшего. И, говорят, неплохо управляет. Правда, скоро Алексею стукнет восемнадцать и он должен будет сам вступить в права. Но, скорее всего, управлять по-прежнему будет Хлебалов. Он же сам говорил, что Алексею надо доучиться. Значит, не откажется поопекать шелеховские заводы еще несколько лет.

Признаться честно, Алексей вступать в права не рвался. Если бы у него не было денег, другое дело, но Хлебалов еще три года назад сообщил, что Шелехову-младшему открыт личный счет и сумма на нем была раз в десять больше, чем потребности юноши, который мотом не был, азартными играми не увлекался. А самой дорогой его тратой была покупка скаковой лошади. Но и лошадь была, скорее, потребностью престижа (при колледже были конюшни, и почти все однокашники Алексея держали там собственных лошадей), чем личным желанием.

Звук выстрела отнес ветер. Алексей не придал ему значения. Не успел. Он услышал удар пули, увидел, как опрокидывается кресло дяди Коли, метнулся, чтобы подхватить, но не успел. И тут же увидел, как падает на песок Застенов. Падает и, уже лежа, пытается вытащить из кобуры пистолет (Зачем? Выстрел явно с соседнего берега, от пистолета никакого толку!), как бегут к ним собаки, а по светлой рубашке Яблока расплывается красное пятно.

Застенов дернул за ногу Алексея, и тот плюхнулся на песок. Собаки с яростным рычанием носились по

берегу. Прибежал Миша с ружьем под мышкой, оценил ситуацию, тут же залег.

Застенов отобрал у него ружье, бахнул три раза наугад, туда, откуда минуту назад взлетели птицы. Бросил ружье, схватился за телефон:

— Охрана? Стена! Врача! — заорал он. — К дому Яблока! Быстро, мать вашу! И команду на тот берег! Да, в заказник! Каждый куст, обшарить! Понятно, мать вашу?!

Алексей подполз к дяде Коле. У того на губах уже пузырилась кровь.

— Х-хороший выстрел... — прохрипел Яблоко. — Хороший выстрел, да, Леха? — он попытался улыбнуться. — А мне х-хана... И х-хорошо... А ты уезжай в Англию, Леха... Понял?.. В Англию... Тут.. Тебе... — Яблоко передернулся лицом, попытался еще что то сказать, но уже не смог. Рот его так и остался открытым, а зеленые глаза смотрели в синее небо. Последнее, что увидел Яблоко.

Застенов встал на ноги, стяхнул песок.

— Умер, — сказал он совершенно спокойно и передал ружье Мише. — Что он тебе сказал?

— Чтоб я уезжал в Англию, — растерянно произнес Шелехов.

— Почему?

Алексей пожал плечами.

— Он прав, — сухо сказал Стена. Наклонился, достал из кармана убитого связку ключей. — Пошли в дом.

В доме он первым делом прошел в спальню Яблока, задрал ковер. За ковром обнаружился сейф. Застенов отпер его взятыми ключами. Внутри лежали бумаги, драгоценности и пачки долларов в банковской упаковке.

Драгоценности и бумаги Застенов не тронул, а доллары забрал почти все, распихал по карманам.

— Лучшее утешение, когда убивают старого друга, это стать его наследником,— сказал он Алексею и подмигнул.— Тебе не предлагаю, у тебя своих хватает, так?

Шелехов молчал.

— Да не убивайся ты так! — Стена хлопнул его по плечу.— Оно и к лучшему, слово! Ты ж видел, как он мучился! На одном морфии и жил!

В это время в гостиной заработал факс.

— Леха, глянь, чего там,— попросил Застенов, запирая сейф.— Небось, хозяин маляву прислал...

Алексей вышел в гостиную, взял выползшую из аппарата бумажку.

Застенов ошибся: факс был не от Хлебалова. Владыка Никитска и окрестностей виршеплетством не баловался.

Один мудака уже лежит,
А у второго тухлый вид:
Ну что, Стена, приссал, козел?
Врубайся, кто к тебе пришел?
Юматов, сраный прохиндей!
Молись, блядина из блядей!
Мозги на стенку полетят —
И ты, козлина,— прямо в ад!
За Гарьку Шелеха, урод,
Маслину словишь в лживый рот!

А за тобой придет пора
Мочить и вашего бугра!
Хлебалов, бля, фуфлыжный вор!
Тебе мой, сука, приговор!
Пора, козлы, держать ответ
За всех, кого сейчас с нами нет!

Подпись под стишком была незамысловатая: «Ванька-мститель».

Застенов отобрал у Алексея бумажку, прочитал, шевеля губами, пробормотал:

— Ёш твою поперек... — зыркнул исподлобья на Шелехова, спросил.— Ты что-нибудь понимаешь? Алексей пожал плечами:

— Думаю, это тот, кто стрелял в дядю Колю,— сказал он.

— Нет, ну борзой! — нервно проговорил Застенов.— Всех обосрал! На тихушу Юматова вообще фуфло кинул. Ты только прикинь, Леха: батьку твоего на него вешает! Ты смотри, Леха, на эту динаму не купишь!

— Веня! — Шелехов даже обиделся.

— Да ладно! — Стена хлопнул его по плечу и добавил с явным облегчением: — Ты, братишка, молоток, я же знаю!

На поясе Застенова заворковал телефон.

— Да, я! — рывкнул Стена в трубку.— Здрасьте, Николай Григорьевич!

— Что у вас там? — раздраженно спросил Хлебалов.— Что с Яблоком?

— Все,— коротко ответил Застенов.— Снайпер с того берега. Насмерть.

— Херово,— буркнул Хлебалов.— Но мертвого не оживишь. Охрана там сама разберется. Ты бери ноги в руки и гони в Курган. Там народ бучу поднимает. Вчера гробы привезли, ну этих, с маршрута. Народ поминки справил да и завелся. А Чижик, мудила... Короче, гони в Курган, найди Юматова, он уже там, делай что хочешь, но бучу погаси!

— А как же... Я же с Алешкой... — проговорил Застенов, но Хлебалов уже отключился.